

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (1990-е гг.)

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность и цели статьи определяются важностью научного осмысления событий современной российской истории, в том числе и рыночных трансформаций 1990-х гг. Помимо радикальных перемен в политическом устройстве и экономике России, они серьезно изменили ее демографический и национальный состав. В отличие от экономистов и социологов, исследующих влияние реформ на жизнь россиян практически с самого их начала, историки приступили к этому лишь недавно, соблюдая необходимую временную дистанцию. Цель статьи – изучение изменений в этническом составе жителей РФ за период 1990-х гг. и выявление их основных причин.

Материалы и методы. Исследовательские задачи автор решает с привлечением широкого круга источников (переписи населения 1989 и 2002 г., периодическая печать, демографическая статистика, неопубликованные материалы Федеральной миграционной службы России, заимствованные из фондов Государственного архива Российской Федерации и др.). В процессе реализации исследовательских задач была выявлена решающая роль в этом внешних миграций в Россию, определены их причины, формы, места выхода и масштабы, что соответствующим образом преломилось в изменении национального состава населения. Методологический потенциал статьи представлен сравнительно-историческим и статистическим методами, применение которых позволило провести сопоставление этнического облика населения Российской Федерации в последние годы советской истории и в начале XXI в.

Результаты. Изучен масштаб и структура притока беженцев из «горячих точек» бывшего СССР, раскрыта их в целом заметная роль в нейтрализации негативных последствий от естественной убыли россиян и при формировании более благоприятной демографической ситуации. Сопоставление данных переписей населения позволило уточнить ряд сделанных ранее негативных прогнозов относительно этнического состава РФ: численность русских хоть и уменьшилась, но в значительно меньшем масштабе; азербайджанцев – хоть и выросла, но всего на 85 % по сравнению с 1989 г. Максимальный прирост обеспечили армяне, чье численное присутствие в России возросло вдвое; но при этом на 1/3 снизилось число украинцев и белорусов; в меньшей мере – немцев и евреев, эмигрировавших на историческую родину, и т.д.

Выводы. Изучение особенностей этнического облика россиян к началу 2000-х гг. позволило сделать ряд выводов относительно политики в данной области. В частности, пока миграционная политика в РФ будет оставаться довольно вялой и не активной, плохо реагирующей на быстро меняющуюся ситуацию в стране и мире, общая численность населения России, скорее всего, будет снижаться, а соотношение отдельных этносов – меняться. В таких условиях преобладание русских продолжит свое сокращение. Действительная забота о сохранении этнической сущности предполагает более тщательное пла-

нирование объемов исторически оправданной миграции в нашу страну и категорический отказ от допуска в нее арабских беженцев, которые в силу своего мощного воспроизводственного потенциала способны очень быстро превратить славян и другие народы России в ее национальные меньшинства, со всеми вытекающими последствиями для наших духовных ценностей.

Ключевые слова: межэтнические конфликты, мигранты, вынужденные переселенцы, миграционный приток в Россию, география мест выхода и приема, обустройство беженцев, мигранты и пополнение численности населения, изменения в этническом составе населения РФ.

O. M. Verbitskaya

FACTORS OF CHANGING THE ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF RUSSIA (1990s)

Abstract.

Background. The relevance and purpose of the article is determined by the importance of scientific understanding of the events of modern Russian history, including the market reforms of the 1990s, in addition to radical changes in the political system and the Russian economy, they have significantly changed its demographic and ethnic composition. Unlike economists and sociologists, who have been studying the impact of reforms on the lives of Russians almost from the very beginning, historians have only recently begun to do so, keeping the necessary time distance. The purpose of the article is the study of changes in the ethnic composition of the residents of the Russian Federation for the period of the 1990s and the identification of their root causes.

Materials and methods. The author solves research problems with the involvement of a wide range of sources (population censuses of 1989 and 2002, periodicals, demographic statistics, unpublished materials of the Federal Migration service of Russia, borrowed from the funds of the state archive of the Russian Federation, etc.). In the process of implementation of the research tasks, the decisive role of external migration to Russia was identified, its causes, forms, places of exit and scale were determined, which accordingly reflected in the change in the national composition of the population. The methodological potential of the article is represented by comparative historical and statistical methods, the use of which allowed to compare the ethnic appearance of the population of the Russian Federation in the last years of Soviet history and in the early XXI century.

Results. The scale and structure of the influx of refugees from the “hot spots” of the former USSR are studied, their generally significant role in neutralizing the negative consequences of the natural decline of Russians and the formation of a more favorable demographic situation is revealed. A comparison of census data allowed us to clarify a number of previously made negative forecasts regarding the ethnic composition of the Russian Federation: the number of Russians, though decreased, but on a much smaller scale; Azerbaijanis, though increased, but only by 85 % compared to 1989. The maximum increase was provided by the Armenians, whose numerical presence in Russia doubled; but at the same time the number of Ukrainians and Belarusians decreased; to a lesser extent – Germans and Jews who emigrated to their historical homeland, etc.

Conclusions. The study of the features of the ethnic appearance of Russians in the early 2000s allowed to draw a number of conclusions about the policy of the state in this area. In particular, while the migration policy in Russia will remain rather sluggish and inactive, poorly responding to the rapidly changing situation in

the country and the world, the total population of Russia is likely to decline, and the ratio of individual ethnic groups – to change. In such circumstances, the predominance of Russian will continue its reduction. The real concern for the preservation of ethnic essence implies more careful planning of the volumes of historically justified migration to our country and categorical refusal of admission of Arab refugees, who due to their powerful reproductive potential are able to very quickly turn the Slavs and other peoples of Russia into its national minorities, with all the ensuing consequences for our spiritual values.

Key words: inter-ethnic conflicts, migrants have to surrender the settlers, immigration, the geography of the places of exit and reception, the resettlement of refugees on the territory of the Russian Federation, the migrants and formation of population, changes in ethnic composition of the Russian population.

В историю России последнее десятилетие XX в. войдет как чрезвычайно трудный период, поскольку помимо развернувшегося в стране острого социально-экономического кризиса ситуация тогда осложнялась еще и проведением рыночной аграрной реформы – весьма болезненной и потому непопулярной у сельских жителей. Однако на этом испытания не заканчивались, поскольку в тот же период территорию России накрыла мощная волна беженцев из соседних республик бывшего СССР.

В конце советской эпохи практически повсеместно на всей территории страны развивались сепаратистские тенденции, которые сопровождались вспышками насилия на почве межнациональной розни и неприкрытой ненависти к представителям некоренных национальностей, прежде всего к русским. И хотя официально признанной датой распада Советского Союза принято считать декабрь 1991 г., т.е. дату подписания Беловежских соглашений и объявления о прекращении существования СССР, все же его распад фактически начался несколькими годами раньше. В течение 1988–1991 гг. один за другим следовали «парады национальных суверенитетов»: сначала в Эстонии, затем в Литве и Латвии; летом 1990 г. его объявили Грузия и Молдавия, а затем и остальные республики. В октябре 1991 г. провозгласил суверенитет и Азербайджан. Вскоре за объявлением национального суверенитета союзными республиками последовали их декларации о независимости и отделении от СССР: первой из его состава вышла Литва, в апреле – Грузия и т.д. Осенью того же года национальную независимость провозгласили все республики бывшего Советского Союза.

В результате практически одновременно на постсоветском пространстве образовалось сразу 15 новых независимых государств. В них поменялся политический режим и характер экономического развития, к власти везде пришли представители титульной нации. Стремление бывших советских республик к отделению от государства, частью которого они официально еще оставались, в большинстве случаев сопровождалось внутренними вооруженными конфликтами. Особенно это было характерно для республик со сложным этническим и религиозным составом.

Все началось с беспокойного Кавказа, где первые этнические беспорядки между армянами и азербайджанцами вспыхнули еще в 1988 г. по вопросу о статусе Нагорного Карабаха, а к 1990 г. ситуация там накалилась до предела. В марте 1989 г. началось массовое движение в Абхазии за выход из состава Грузии, которое тоже привело к кровопролитным столкновениям

между грузинами и абхазами. Вскоре разразился грузино-югоосетинский конфликт, чуть позже – между осетинами и ингушами в Пригородном районе. В 1990 г. между Молдавией и образовавшимся на ее территории непризнанным государством – русскоязычным Приднестровьем – завязался долговременный конфликт на национальной почве. Вскоре и он перешел в вооруженное противостояние, вызвав многочисленные жертвы – как среди молдаван и украинцев, так и среди русского населения. Аналогичные процессы имели место и в Средней Азии: в Фергане (Узбекистан) произошла массовая резня турок-месхетинцев; в Таджикистане вспыхнула гражданская война.

Подобные «горячие точки», образовавшиеся на постсоветском пространстве, спешно покидали русские, а также представители других национальностей, в первую очередь армяне. Целью большинства беженцев, спасавшихся от преследований, стала Россия. Преимущественно в ее южные районы, а также в столицу – Москву – устремилось большое количество армянского населения. Так было, например, в Баку и в Нагорном Карабахе, где оно подвергалось небывалому насилию.

К началу 1990-х гг. у границ России скопились многочисленные потоки мигрантов – в основном из Таджикистана, Азербайджана, Грузии, Приднестровья и других районов, где усиливались вооруженные конфликты. По имеющимся данным, в 1991–1993 гг. доля беженцев и вынужденных переселенцев только среди прибывших из Таджикистана в Россию достигала 80 %. В последующие годы потоки мигрантов сохранялись, а в 1994–1996 гг. к ним прибавились беженцы из Казахстана и Узбекистана, численность которых на тот момент в общем составе мигрантов, прибывавших в Россию из стран СНГ, достигала почти половины. Одновременно нарастали потоки мигрантов из Киргизии, Туркмении, Армении, стран Балтии и Приднестровья [1]. Аналогичные события на национальной почве происходили и в других районах бывшего СССР. Пожалуй, самым тяжелым и кровопролитным инцидентом стали две чеченские войны – между российскими федеральными силами и сепаратистами в Чечне (в середине и конце 1990-х гг.).

В. А. Крючков, который в 1988–1991 гг. занимал пост председателя КГБ СССР, в конце 2003 г. признавал, что за период кровавых межнациональных конфликтов 1990-х гг. около 12 миллионов бывших граждан СССР превратились в изгоев и беженцев, вынужденных бросать свои жилища, имущество и перебираться в места, где была хоть какая-то возможность выжить [2].

Из мятежных новых независимых государств в спешном порядке бежали не только русские. Их доля в общем потоке вынужденных переселенцев из стран СНГ в Россию в последнее десятилетие XX в. была очень высокой, но все же не выше 60 %, что свидетельствовало о наличии многочисленных беженцев – представителей других национальностей [3].

Высокая доля русских репатриантов, возвращавшихся на Родину из бывших союзных республик, а также другого русскоязычного населения, направлявшихся туда же, была обусловлена создавшейся тяжелой и уязвимой ситуацией, в которую они попали практически сразу после провозглашения национального суверенитета в странах, на чьей территории они оказались. Отделение национальных республик от СССР в корне изменило статус рус-

ских на их территории, сильно затруднив адаптацию к новым политическим и экономическим реалиям. До распада СССР русские на всей его территории воспринимали себя как доминирующую группу в государстве, благодаря чему им вовсе не обязательно требовалось не только владение местным языком, но и наличие особого самосознания, навыков поведения, необходимых национальным меньшинствам. Перед русскими и значительной частью других русскоязычных народов (татар, украинцев и т.п.), ранее занимавших, как правило, доминирующие позиции в экономике и системе управления страны, несмотря на незнание истории, культуры и языка титульного народа, в новых условиях независимых государств возникла масса неприятных проблем. Они неожиданно столкнулись с проявлениями бытового национализма, набравшего силу, становившегося все более агрессивным в отношении национальных меньшинств. Это проявлялось, в том числе, в повсеместном смещении русскоязычных граждан с руководящих постов и последующей замене их выходцами из коренного населения. Вскоре прямое изгнание русских за пределы республик, где местный национализм достигал крайней степени, становилось неизбежным. И даже в тех постсоветских государствах, где изменения в политической и экономической обстановке не сопровождались притеснениями на национальной почве, а тем более кровавыми конфликтами, русское и русскоязычное население все же ощущало определенную нервозность в период становления национальной государственности.

По имеющимся данным, жертвами межнациональных конфликтов на территории бывшего СССР в течение 1988–1996 гг. стало почти 100 тыс. человек. А общее число беженцев, в спешном порядке мигрировавших в Россию из разных зон национальных конфликтов, где угроза кровавой расправы становилась все более реальной, по подсчетам В. Мукомеля и Э. Паина, составляло не менее 5 млн человек [4].

Таким образом, острые межэтнические конфликты и массовое бегство некоренного населения из республик, недавно объявивших о своем выходе из состава СССР, и стали для них слишком «горячими точками», положили начало новым и довольно драматическим тенденциям в развитии миграционных процессов на огромном постсоветском пространстве. Люди бежали в Россию за помощью и спасением, несмотря на то что она и сама в те годы, как известно, переживала далеко не лучшие времена. Весьма характерно, что на всем постсоветском пространстве именно Российская Федерация в это трудное время сумела сохранить значительный «запас прочности» по сравнению с другими странами нового зарубежья: в ней подобного насилия не было, зато имелись возможности для оказания помощи и приема беженцев из бывшего СССР [5].

Но значительные масштабы прибытия в Россию соотечественников и вынужденных переселенцев, бежавших из новых независимых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, можно оценить и под другим углом зрения. Прежде всего, столь значительное количество населения, хлынувшее в РФ извне, было способно серьезно пополнить общую численность ее населения и тем самым изменить к лучшему общую демографическую ситуацию в стране.

Известно, что характерной чертой развития России с начала 1990-х гг. стало значительное ухудшение демографической ситуации: в ее населении

резко повысился уровень смертности, а рождаемость при этом серьезно упала, следствием чего становилась быстрая естественная убыль населения. Основным фактором развития столь негативного демографического сценария, безусловно, послужило общее ухудшение жизненного уровня россиян, происходившее на фоне всеобъемлющего кризиса в стране, совпавшего по времени с политикой «шоковой терапии» и проведением рыночных реформ, чем еще больше усиливалась общая нестабильность в обществе. Заметное превалирование смертности над рождаемостью в подавляющем большинстве российских регионов было убедительным подтверждением того, что Россия переживает ускоренную депопуляцию. Вместо естественного прироста в населении, что прежде было в общем-то характерно для России, развивалась естественная убыль, быстро понижавшая общую численность ее населения. В то же время стабильная численность населения является необходимым условием сохранения и развития страны, на территории которой оно проживает. В то же время огромный наплыв мигрантов в Российскую Федерацию можно рассматривать и как огромный дополнительный демографический потенциал, способный улучшить ситуацию в ее населении. Прежде всего, он придавал миграционным перемещениям по ее территории специфические черты. Внешняя миграция в 1990-е гг. развивалась преимущественно в двух формах: возвращение русских на историческую родину и трудовая миграция, в том числе и вынужденного характера. В количественном отношении прибытие в Россию мигрантов из стран Ближнего зарубежья было довольно масштабным; например, в 1994 г., когда оно достигло своего максимума, из стран СНГ и Балтии прибыло свыше 1,1 млн человек. Не удивительно поэтому, что столь масштабное прибытие в пределы России бывших соотечественников, бежавших из государств, охваченных националистической агрессией, в течение довольно заметного времени играло едва ли не ведущую роль в формировании общей демографической ситуации в России. Кроме того, прибытие беженцев позволяло российской экономике значительно пополниться рабочей силой.

Впоследствии приток населения в Россию из постсоветских государств становился малочисленнее, чему способствовала не только общая нормализация ситуации, но и почти полное исчерпание миграционного потенциала в среде русскоязычных беженцев. Так, в 1996 г. в Россию из разных точек бывшего Советского Союза прибыло 631,2 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев; в 1997 г. – 582,8 тыс.; в 1998 г. – 494,8 тыс.; в 1999 г. – 366,6 тыс., зато в 2000 г. – уже лишь 350,3 тыс. [3].

Исторический процесс репатриации русского населения на Родину, как известно, свое основное развитие получил в середине XX в., после окончания Великой Отечественной войны, но затем, в последующий период, он практически прекратился. Новая волна репатриации в Россию в виде беженцев и вынужденных переселенцев, бежавших из бывших союзных республик, оформилась после распада СССР и продолжалась вплоть до полного урегулирования конфликтов на национальной почве. Тот факт, что миграционный приток в Россию по сути представлял собой в основном репатриацию русских, подтверждался их высоким удельным весом в общем составе прибывавших соотечественников. Действительно, в первой половине 1990-х гг. их доля в общем потоке мигрантов-беженцев из стран СНГ была около 60 % [3].

Определенный интерес представляет и география мест выхода русских и других беженцев в Россию. Так, из официальной отчетности Федеральной миграционной службы РФ следует, что основными районами выбытия мигрантов в это время служили бывшие республики СССР. В частности, в 1997 г., когда основная часть мигрантов-русских уже находилась в России, из стран СНГ и Балтии прибыло еще 597,6 тыс. человек, в том числе максимум (235,9 тыс.) среди них составляли выходцы из Казахстана; 138,2 тыс. – из Украины; 39,6 тыс. – из Узбекистана; 29,9 тыс. – из Азербайджана; 23 тыс. – из Таджикистана. Наименее значительным был приток беженцев из стран Балтии, который к концу XX – началу XXI в. уже практически полностью иссяк: в 1997 г. в регионы России из Эстонии прибыло 3,5 тыс. человек, 2002 г. – уже лишь 534 человека; из Латвии соответственно – 5,6 тыс. и 990 человек; из Литвы – 1,8 тыс. и 722 человека [6, с. 72].

Характерно, что в 1990-е гг. определенная часть россиян покидала Родину, выбывая в ином направлении – в страны Дальнего зарубежья. Например, в 1997 г. из РФ в данном направлении выехало 83,5 тыс. человека. Основным центром притяжения российских эмигрантов была Германия, куда выехало 58 %, а также Израиль – 15,4 % и США – 11 % [6, с. 73].

Что касается организации приема и устройства миграционных потоков, прибывавших на территорию Российской Федерации, то этим занималась специально созданная государственная Федеральная миграционная служба (ФМС). В ее задачи входила регистрация и размещение граждан, прибывавших в Россию. Соответственно масштабам миграционного притока постепенно нарастал и объем работы ФМС. Так, если в начале 1993 г. было зарегистрировано всего 160,3 тыс. беженцев, то к 1997 г. этот статус получило уже более 1 млн 147 тыс. человек. Но, по мнению экспертов, действительное число беженцев и вынужденных переселенцев было в несколько раз больше. В частности, журналист и общественный деятель Л. Графова, которая свыше 10 лет возглавляла «Координационный совет помощи беженцам и вынужденным переселенцам» и «Форум переселенческих организаций», считала, что после распада СССР из бывших республик в Российскую Федерацию переселилось около 11 млн человек. Однако официальный статус вынужденного переселенца (или беженца) за это время был предоставлен не более 10 % мигрантов, прибывших в Россию. По прибытии им выплачивалась и единовременная государственная помощь, правда, в весьма незначительном объеме, да и получить ее смогли всего 500 тыс. мигрантов из СНГ [5].

И все же положительные результаты прибытия беженцев ощущались в России, несмотря на то что с годами его масштаб довольно ощутимо сократился. Количество прибывших мигрантов в определенной мере позволило нейтрализовать последствия общей убыли населения. По данным Российского статистического агентства, естественные потери населения (от превышения смертности над рождаемостью) в первом полугодии 1999 г. вследствие миграции из стран СНГ были восполнены на 11,5 %, хотя еще год назад они покрывали свыше 40 % этих потерь [5].

Тем не менее роль мигрантов в процессе формирования общей численности населения Российской Федерации трудно переоценить. Всего за период с 1991 по 2000 г. они пополнили ее на 3,3 млн человек. Хотя, как считали демографы группы А. Г. Вишневого, фактически роль прибывавших бежен-

цев и вынужденных переселенцев была значительно большей, поскольку кроме официальных мигрантов в стране имелись еще и нелегальные, которых было значительно больше, что подтверждается наличием легко преодолимых границ между странами СНГ. Но официальная статистика, согласно своим методикам, называла другие данные – о одновременном присутствии в РФ всего лишь 300 тыс. трудовых мигрантов, хотя даже ФМС при МВД РФ придерживалась мнения, что их реальное число в 10–15 раз выше [7].

Основным центром территориального притяжения для вынужденных переселенцев с самого начала была Кубань (Краснодарский край). Уже к октябрю 1991 г. туда из районов межнациональных конфликтов прибыло 38,5 тыс. беженцев. К тому времени наиболее значительную часть прибывших мигрантов (13,5 тыс.) составляли армяне, русскоязычные (12,7 тыс.), азербайджанцы (11,1 тыс.) и т.д. С середины и до конца 1990-х гг. важнейшими региональными центрами массового притока мигрантов из стран СНГ и Балтии служили равнинные территории Северного Кавказа (наряду с Кубанью еще и Ставрополем), Черноземный Центр, в первую очередь Белгородская область, а также Приволжье, юг Урала (Оренбургская область) и Западная Сибирь (Алтайский край). Нагрузка на эти территории была очень велика, тем более что сюда же был устремлен и так называемый «западный дрейф» внутрироссийских миграций, под которым подразумевается отток в данном направлении населения из Восточной Сибири и Дальнего Востока, сила которого достигла своего максимума тоже в середине 1990-х гг. [8].

Прибывавшим из Ближнего зарубежья мигрантам в России кроме небольшого денежного пособия предоставлялась и другая помощь: бесплатно предоставлялись земельные участки под индивидуальное жилищное строительство и подсобные хозяйства; беспроцентная ссуда на первоначальное обустройство и безвозмездная субсидия для строительства или покупки жилого дома, животноводческих помещений и других надворных построек. Весьма интересен накопленный переселенцами и вынужденными мигрантами опыт жизненной адаптации на новом месте, включая возведение жилья и хозяйственное обустройство. Возможности для строительства жилья тогда были ограничены: например, опекавшее беженцев Управление ФМС РФ могло лишь частично выкупить какое-нибудь местное незавершенное строительство, а дальше его достраивали уже сами переселенцы. В целях обеспечения мигрантов жильем действовали специально разработанные государственные и региональные программы – например, в Липецкой области с начала 1992 г. заработал подготовленный местным руководством проект «Переселение». Согласно ему вынужденным переселенцам выдавались кредиты под строительство жилья с надворными постройками, а также участки земли для тех, кто хотел стать фермером. Примерно 1,7 тыс. бывших беженцев уже к осени 1993 г. сумели выкупить или построить своими силами собственное жилье в Липецкой области. В Воронежской области они также, опираясь на небольшие ссуды и другую помощь от миграционных служб, строили дома и обзаводились всем необходимым на новых местах. Создавались землячества вынужденных переселенцев и в других частях РФ, но тяжелейшая общая финансовая ситуация в стране, обусловленная инфляцией, падением рубля и бюджетным дефицитом, сильно осложняла выполнение таких программ [1; 9, л. 38, 39, 41].

Обустройство семей прибывавших беженцев и переселенцев в кризисные 1990-е гг. происходило с большим трудом, нередко сталкивалось с обострением и без того крупных проблем в сельской местности (недостаток жилья, рабочих мест, продовольствия и др.). В то же время мигранты, например мусульманского происхождения, при этом вовсе не были обойдены материальной помощью – не только от ФМС России, но и других стран: им приходили богатые посылки из разных частей света. Так, время от времени местная печать в районах массового приема беженцев сообщала о прибытии помощи вынужденным переселенцам-мусульманам: не только из Карачаево-Черкесии и других районов Кавказа, но даже от международной исламской организации «Спасение» (Саудовская Аравия, Ливан и другие страны). Объем присылаемой из-за границы разовой помощи, по оценке корреспондентов газет, «превысил все, что до сих пор получали эти села от российского государства». Речь шла о Назрани и только пяти ингушских селах, где побывали корреспонденты. При этом продовольственная помощь и медикаменты, направляемые из Москвы, по словам Президента Республики Ингушетии Р. Аушева, оседали в Моздоке и гуманитарная помощь из России вообще «до истинно нуждающихся не доходила» [9, л. 41, 42–42 об.].

Часть вынужденных переселенцев, не получив обещанных условий и преимуществ, покидала село, на их место приезжали другие, в результате чего за период 1990-х гг. по русской деревне прокатилось немало таких «кочевников», конечной и истинной целью которых являлся город, желательно, крупный, а в идеале – Москва или Санкт-Петербург. В начале 1995 г. периодическая печать сообщала, что на территории Московской области проживало 60–70 тыс. человек, не имевших статуса граждан Российской Федерации. Из них в качестве беженцев или вынужденных переселенцев было зарегистрировано всего 10,2 тыс. человек, включая примерно 1,1 тыс. чеченцев. В связи с создавшейся миграционной ситуацией печать справедливо подчеркивала, что желание людей переселиться в Российскую Федерацию – естественный и объективный процесс, однако к нему следовало заранее и должным образом готовиться, в том числе посредством соответствующей законодательной базы. В качестве одного из вариантов выхода из непростой ситуации предлагалось продавать беженцам лицензии на прописку в Российской Федерации, предварительная цена которых, например для пригородной зоны Подмосковья, составляла 9 млн, а далее – 6 млн руб. Действительно, мигранты, прибывавшие сначала по необходимости в сельскую местность, с огромной силой стремились непременно попасть в Москву, чтобы там поселиться навсегда. С этой целью широко практиковалось и заключение фиктивных браков, благодаря которым некоторым беженцам даже удавалось получить местную прописку: «Дают 3–4 млн за жену – и нет проблем!». Проворачивались замысловатые аферы с жильем и трудоустройством. У нелегальных мигрантов рождались дети – «люди без гражданства от колыбели»: новых проблем завязывался целый клубок, развязывать который предстояло потом годами [9, л. 41 об.; 10].

Нередко чрезмерно возросший приток мигрантов и беженцев в местах прибытия приводил к обострению межнациональных конфликтов, но уже на иной почве. Дело в том, что масштабная миграция серьезно нарушала стабильность российского сельского социума, усиливала нагрузку на местный

рынок труда, а также на и без того слабую социально-культурную инфраструктуру села и т.д. Для русского сельского сообщества поведение мигрантов-мусульман казалось непривычным и агрессивным, как и их религиозные традиции. Все это серьезно нарушало устоявшийся социальный климат, создавало атмосферу повышенного напряжения и беспокойства. Нередко случалось, что местные жители напрямую отторгали слишком масштабные миграционные потоки. Например, в декабре 1994 г. газета «Кубанский курьер» опубликовала заметку, в которой говорилось, что, пользуясь несовершенством государственного законодательства, которое в должной мере не регламентирует миграцию, «на Кубань накатываются волны армянской миграции, грозя оставить на положении нацменьшинств уже самих русских». Аналогичные проблемы ощутила на себе и Адыгея, оказавшись под массовым наплывом беженцев из Грузии, Азербайджана, Средней Азии, Молдовы, Северной Осетии, Ингушетии и Чечни. Позже к ним добавились еще турки-месхетинцы и курды, тоже желавшие поселиться в гостеприимной России. Однако президент Республики Адыгея, без какой-либо оглядки на пресловутую толерантность и «права человека», в декабре 1994 г. подписал указ, который ограничивал миграционные потоки извне. Это нелегкое решение было принято не только из-за кризисной ситуации с финансами в Адыгее, но и, прежде всего, с учетом интересов местного населения [9, л. 41–41 об.; 11].

Казалось бы, столь массовый приток мигрантов и вынужденных переселенцев в российские регионы должен был во многом способствовать решению не только демографических проблем с нормальным воспроизводством населения, но и проблем с обеспечением экономики рабочей силой, особенно сельского хозяйства, где уже давно существовала ее нехватка. И если, по данным Федеральной миграционной службы РФ, за весь период 1990-х гг. было зарегистрировано более 1 млн 100 тыс. переселенцев и беженцев, то вся проблема заключалась в том, что из этого числа на селе поселилось чуть более 40 %. Мигранты предпочитали выбирать для своего проживания не малолюдные, слабо заселенные сельские территории, которые испытывали огромный недостаток в рабочей силе, а прежде всего регионы с теплым климатом, весьма благоприятными природно-экономическими условиями и высокой плотностью заселения. По этой причине максимальный миграционный прирост постоянно фиксировался в районах Северного Кавказа, особенно в Ставропольском и Краснодарском краях и Ростовской области. Это были наиболее благополучные, но одновременно и трудоизбыточные регионы России.

В то же время сельская местность центральной Нечерноземной зоны, с ее тяжелой демографической ситуацией и огромным недостатком трудовых ресурсов в аграрном секторе, фактически никакой экономической выгоды от этой миграции не получила. Это объяснялось тем, что, подобно другим депопуляционным и трудонедостаточным регионам Европейской России, центральное Нечерноземье ничем особым не могло привлечь мигрантов из других республик бывшего СССР. Сельская социальная инфраструктура в этих областях была слаборазвитая и отсталая – не хватало жилья, социальных объектов, практически отсутствовали рабочие места, которые могли бы привлечь людей хорошей оплатой труда. Средний уровень зарплат в аграрном секторе этих регионов был ниже существовавшего по стране, и все вместе подобные причины сильно тормозили процесс закрепления мигрантов

в сельской местности центрально-нечерноземных областей. По этой причине их общая приживаемость в Смоленской, Брянской, Тверской и других областях Европейской части Российской Федерации была крайне низка. И это даже несмотря на то, что в 1992–1994 гг. сюда направлялось в два и более раз больше беженцев, чем в другие части России. В итоге прежде всего по экономическим причинам миграционный прирост в сельской местности центрального Нечерноземья оказался настолько незначительным, что не смог оказать позитивного воздействия на общую демографическую ситуацию. В то же время мигранты, прибывавшие из республик Средней Азии, охотно поселялись в Сибири (Омской, Томской, Новосибирской областях), чем заметно пополняли общую численность сельского населения в этих частях РФ [12].

Общему процессу заселения сельских территорий России прибывавшими беженцами и вынужденными переселенцами из стран СНГ и Балтии сильно мешал тот факт, что почти все приезжие были выходцами из городов. Выбрав при расселении сельскую местность, они рассчитывали лишь временно воспользоваться ее преимуществами, в частности тем, что в начале 1990-х гг. на селе было легче получить жилье. Однако довольно скоро выяснилось, что большинство беженцев и мигрантов рассматривали село лишь как своего рода ступеньку на пути в город. К тому же, как ранее уже отмечалось, основная часть их собиралась свои «корни пускать» вовсе не в безлюдных сельских районах Нечерноземной зоны РФ, а в благодатных южных краях, где и без того населения было предостаточно. При этом средоточие особенно значительного числа прибывавших беженцев в южных регионах России создавало для местного населения серьезные дополнительные проблемы: их нужно было не только регистрировать, но и кормить, расселять, обеспечивать работой – и все это в условиях набравшего силу кризиса в российской экономике. Так, если в течение нескольких лет местным властям сельских районов Ставропольского края еще как-то удавалось справляться с задачей предоставления прибывавшим беженцам и вынужденным переселенцам жилья и работы, то с течением времени нескончаемый приток новых мигрантов буквально опустошил все их «ресурсы гостеприимства», и это делало дальнейший прием переселенцев в крае уже невозможным. Десятки тысяч беженцев прибывали и в центральные районы России, но там тоже с каждым годом иссякали и без того не богатые материальные возможности для оказания им помощи. Сами беженцы и переселенцы, наблюдая это, стремились закрепить себя на тех местах, где им понравилось, проявляли при этом необычайную активность: организовывали землячества и разного рода объединения, помогавшие им не только сплотиться, но и создавать более благоприятные условия для проживания.

В конце 1990-х гг. приток вынужденных мигрантов из бывших союзных республик на постоянное жительство в Россию вполне предсказуемо сократился. И хотя беженцы в основном предпочитали города и райцентры южных регионов России, все же их прибытие до известной степени сдержало резкое падение численности населения, вызванного депопуляцией, в том числе и в селах. Особенно заметно внешняя миграция помогла нейтрализовать общую естественную убыль россиян в тех регионах страны, где уровень смертности превышал показатели рождаемости от 1,5 до 4 раз. На первом этапе (до середины 1990-х гг.) миграционный прироста еще вполне хватало,

чтобы покрыть издержки естественной убыли населения в областях Центра, Черноземья, Поволжья и Западной Сибири. Правда, случалось и так, что достигнутый за счет миграционного потока прирост населения в некоторых регионах через определенный промежуток времени вновь сменялся убылью. В 2000-е гг. одновременно с заметным сокращением официально фиксируемого статистикой притока мигрантов на постоянное жительство в Россию практически упала и его роль в формировании общей численности населения. Несмотря на то что в этот период суммарный (внешний и внутренний) миграционный прирост отмечался в 34 российских регионах, всего лишь в двух из них (Москве и Московской области) его масштабов действительно было достаточно для покрытия всей естественной убыли населения. Еще в шести регионах (Белгородской, Калининградской, Ленинградской областях, Краснодарском крае, Адыгее и Татарстане) миграционный прирост помог компенсировать естественную убыль их населения более чем наполовину; в Калужской, Свердловской и Ленинградской областях, Хакасии, Ставропольском крае – всего на 1/4. В остальных 15 регионах миграционный прирост был незначителен и общую демографическую ситуацию не изменил. В Республиках Северного Кавказа, ряде автономных округов и национальных республик Сибири сохранявшийся естественный прирост сочетался с одновременной миграционной убылью населения [13].

Но если общую демографическую ситуацию в России, а тем более в ее сельской местности, мигранты, прибывавшие со всех концов бывшего Советского Союза, в принципе радикально изменить к лучшему так и не смогли, то повлиять на изменение этнического состава россиян им оказалось вполне под силу.

Население России всегда отличалось сложным этническим и религиозным составом. Безусловно, иммиграция из стран СНГ и Балтии, достаточно активно развивавшаяся на пороге XXI в., оставила свой четкий след и на состоянии национальной структуры населения Российской Федерации. Для российской демографической статистики вполне традиционно, опираясь на этнический фактор, подразделять население на «народы» и «нации». В частности, Всесоюзная перепись населения 1989 г. учитывала ее национальный состав по 128 основным наименованиям, а Всероссийская перепись 2002 г. – уже по 142 самостоятельным этническим категориям и 40 «подгруппам» [14].

Из материалов Всероссийской переписи населения 2002 г. видно, что по сравнению с 1989 г. общая численность населения РФ уменьшилась почти на 2 млн (с 147,0 до 145,2 млн человек), или на 1,3 % [15]. Одновременно данные этой переписи подтвердили и то, как справедливо писал академик В. А. Тишков, что все страхи о катастрофическом убывании русских в действительности не имели под собой основания. Накануне проведения этой переписи делались прогнозы, что общая численность русского народа сократилась на 15–19 млн, т.е. чуть ли не на 15 % по сравнению с последней советской переписью 1989 г. [14]. И хотя количественное сокращение русских в России действительно имело место (4 млн человек: со 119,9 млн до 115,9 млн), в относительном выражении оно составило всего 3,3 %. Данное сокращение числа представителей коренной нации Российской Федерации нашло отражение и в соответствующем снижении общего удельного веса рус-

ских во всем населении: за эти годы – с 81,5 до 79,8 %, т.е. на 1,7 % [16, с. 7; 17, л. 2–45]. К тому же главной причиной такого сокращения послужила низкая рождаемость при заметно возросшей смертности, в то время как миграционный фактор по своей значимости оказался второстепенным.

Вторым по численности населения народом Российской Федерации являются татары, доля которых с 1989 по 2002 г. возросла на 0,7 %, достигнув 5,5 млн человек. Численность украинцев, занимавших 3 место в национальном составе РФ, резко уменьшилась: с 4,4 млн (в 1989 г.) до 2,9 млн (в 2002 г.), т.е. на 35 %. Данное сокращение, очевидно, объясняется сознательной сменой этнической идентичности многими украинцами, которые предпочли записаться русскими в 2002 г. В действительности с середины 1990-х гг. Украина, благодаря наплыву в Россию своих трудовых мигрантов и других граждан, прибывавших на постоянное жительство, способствовала стабильному обеспечению миграционного прироста в России, по причине чего реальное число украинцев сократиться не могло [14]. Сегодня стало очевидно, что не стоит сбрасывать со счетов и политический фактор, когда часть проживавших в России этнических украинцев под влиянием нараставших на их родине русофобских настроений стремилась оградить себя от бандеровского национализма и записывалась как русские.

Не менее существенно, чем количество украинцев, в России за период между переписями населения 1989 и 2002 г. снизилась и численность белорусов: с 1,2 млн до 808 тыс. человек, т.е. ровно на 1/3. Возможно, часть белорусов, живших в России, тоже сменила свою этническую идентичность, но важно и другое – у них оказался ощутимо низкий уровень естественного прироста. Несколько уменьшилась за эти годы по причине снижения естественного прироста и численность чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы, хакасов, коми и др. Еще более значительно сократилась численность евреев и немцев, но уже по иной причине – прежде всего, вследствие их массовой эмиграции за пределы Российской Федерации. Одновременно наблюдался чрезвычайно сильный прирост абсолютной и относительной численности армян (более чем в два раза). Основной причиной этого прироста следует считать их миграцию в Россию на почве бегства от межэтнической ненависти, активизировавшейся с конца 1980-х гг., особенно в Нагорном Карабахе, Баку и других частях страны. Этому народу вообще присущ более высокий демографический прирост, особенно для выходцев из сельской местности, которых было достаточно много среди беженцев и вынужденных переселенцев данной национальности, что и предопределило более масштабное их общее присутствие в России в период между двумя последними переписями населения. Отдельные народности Кавказа (аварцы, лезгины, кабардинцы, осетины, чеченцы, ингуши и др.) тоже дали заметный численный прирост, что не удивительно, учитывая характерную для них высокую рождаемость и традиционное семейное поведение. Некоторый прирост их численности – в основном результат высокого естественного прироста, а не внешних, миграционных причин. Вследствие этого прироста соответствующим образом возросла и относительная доля в общем этническом составе населения Российской Федерации от 1989 к 2002 г. Даже если они сменили место своего жительства на другое, но внутри РФ, по той же причине, что и внешние переселенцы из других союзных республик (межнациональные конфликты), определенное повышение их

удельного веса в этнической структуре населения РФ еще не дает основания считать это результатом внешнего влияния. И наоборот, прибытие в Россию осетин – действительно результат внешней миграции, вследствие которой их удельный вес в этническом составе Российской Федерации заметно повысился: с 1989 по 2002 г. – на 28 %. Непосредственной причиной такого прироста следует считать, прежде всего, переселение нескольких десятков тысяч осетин из соседней Грузии в Северную Осетию – район, который входит в состав России. Следует отметить и значительное увеличение общего количества азербайджанцев: в 1989 г. их насчитывалось всего 335,9 тыс., а в 2002 г. – уже 621,8 тыс., т.е. на 85 % больше [16, с. 8; 17, л. 2]. В итоге по темпам своего возросшего присутствия в России азербайджанцы лишь немногим уступали армянам, что тоже было связано с масштабной миграцией в Россию, но в данном случае это была преимущественно трудовая миграция. Важно отметить, что данные, полученные переписью 2002 г., полностью разведали и бытовавший миф об огромных масштабах «нашествия» азербайджанцев на Россию. К тому же их общее число в России на тот момент, возможно, было и больше, но по существующим правилам временные трудовые мигранты в этническом составе переписями не учитывались [16, с. 8–12; 17, л. 2–10].

В то же время численность казахов к 2002 г. выросла незначительно (всего на 18 тыс.) по сравнению с 1989 г., хотя в общем объеме прибывавших в Россию мигрантов Казахстан во второй половине 1990-х гг. уверенно держал первое место. Возможно, в данном случае, как и с временными мигрантами из Азербайджана, перепись тоже сознательно обошла их учетом. Отметим, что основная масса прибывавших из Казахстана мигрантов обычно размещалась в сельской местности южных областей Поволжья и Урала – по соседству с Казахстаном.

Возросла и численность башкир, бурят, калмыков, адыгейцев и тувинцев, т.е. народов с характерным высоким естественным приростом, ориентированных на многодетную семью. По этой же причине увеличилась и численность цыган. Перепись 2002 г. показала их 20-процентное увеличение (183 тыс. против 153 тыс. в 1989 г.). Но самый высокий прирост за эти 14 лет все-таки дали, и это не удивительно, таджики в России – в три раза больше (с неполных 40 тыс. до 120 тыс.). Основным фактором столь быстрого прироста, безусловно, послужила их массовая трудовая миграция в Россию, которая в сочетании с характерным для них чрезвычайно высоким естественным приростом обеспечила трехкратное численное увеличение.

Таким образом, сопоставление данных двух последних переписей населения – 1989 и 2002 г. – показывает, что этнический состав населения России на протяжении последнего десятилетия XX в. действительно подвергся существенным изменениям. Во-первых, в нем весьма значительно (на 4 млн человек) сократилась численность коренного народа России – русских; меньше стало и представителей других славянских народов, прежде всего украинцев и белорусов, а также евреев и народов Поволжья. Именно эти народы в данный исторический период проходили через стадию завершения демографического перехода – от многодетности к малодетной семье. По этой причине, усиленной еще и негативными последствиями экономического кризиса, в рассматриваемый период у них наблюдалось резкое снижение рождаемости, а также сопутствующее этому демографическое старение, сокращение

естественного прироста и т.д., что в сумме обусловило их ускоренную, по сравнению с другими национальностями, естественную убыль.

Одновременно представители народов Северного Кавказа и Закавказья, а также Средней Азии, живущие в России, наоборот, заметно увеличили свою общую численность. Конечно, миграция из бывших союзных республик в Россию внесла свой вклад в этот процесс, чем ускорила их численное возращание. Необходимо также помнить, что эти народы, в отличие от славян, евреев и других этносов, все еще придерживаются традиционных семейных ценностей, поэтому у них имеется естественный прирост и расширенное воспроизводство населения. Им по-прежнему присуща высокая рождаемость, а их семьи, несмотря на тоже коснувшееся их сокращение, все еще остаются достаточно многодетными.

Таким образом, в этническом составе Российской Федерации к началу XXI в. сложились две совершенно противоположные демографические перспективы. Численность славянских народов с их православной традицией и культурой, очевидно, в ближайший период будет продолжать сокращаться. То же, хоть и менее выражено, ожидает и народы Поволжья, которые в последнее десятилетие XX в. также резко снизили свой естественный прирост. Народы кавказской и среднеазиатской группы, среди которых высокий удельный вес занимают представители исламской цивилизации, наоборот, проявили и, похоже, еще долго будут демонстрировать всему миру повышенную способность к естественному приросту, вследствие чего их численность, скорее всего, будет продолжать увеличиваться.

Такие перспективы изменения этнического облика страны не могут оставлять российское общество равнодушным. В самом деле, казалось бы, в начале XXI в. в России представители коренной нации – русские – еще насчитывали почти 80 % в общей численности ее населения. Однако ничто не стоит на месте. И пока миграционная и демографическая политика в РФ будет оставаться довольно вялой и неактивной, по-прежнему медленно реагирующей на быстро меняющуюся ситуацию в стране и мире, общая численность населения России, скорее всего, будет понижаться, а соотношение отдельных этносов – изменяться, преобладание русских будет продолжать тренд к дальнейшему сокращению. Но если действительно заботиться о сохранении своей этнической сущности, то, на наш взгляд, целесообразно более тщательно планировать объемы необходимой и исторически оправданной миграции в нашу страну, дабы не допустить реального засилья арабских беженцев с их мощным воспроизводственным потенциалом и абсолютно чуждым христианской цивилизации и культуре духом, способным уничтожить национальный менталитет и ценности россиян. Возможно, применяя более взвешенную миграционную политику, еще можно сохранить традиционный для России этнический состав населения. В противном случае основную часть ее населения или того государства, которое через несколько десятилетий будет находиться на ее территории, вполне вероятно, будут представлять мигранты и их потомки, причем совсем не обязательно знающие русский язык.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10128. Оп. 1. Д. 3049. Л. 30.

2. **Крючков, В. А.** Я был всего лишь председателем КГБ СССР / В. А. Крючков. – URL: dic.academic.ru (дата обращения: 12.03.2018).
3. Демографический ежегодник России, 2002 : стат. сб. – М., 2002. – С. 314, 315.
4. **Мукомель, В.** Государственная политика России в отношении зарубежных соотечественников: этапы становления / В. Мукомель, Э. Паин // Новые диаспоры. Государственная политика по отношению к соотечественникам и национальным меньшинствам. – М., 2002. – С. 112, 113.
5. Информационно-аналитический центр МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. – URL: www.ia-centr.ru (дата обращения: 17.08.2007).
6. Россия в цифрах : крат. стат. сб. – М., 2003.
7. Население России 2001 / под ред. А. Г. Вишневецкого. – М., 2002.
8. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 1169. Л. 47, 48.
9. ГАРФ. Ф. 10100. Оп. 4. Д. 228.
10. Российская газета. – 1995. – 25 января.
11. Кубанский курьер. – 1994. – 14 декабря.
12. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга (1999 г.). – М., 2000. – С. 128.
13. ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 530. С. 8, 14, 21.
14. **Тишков, В. А.** О российском народе / В. А. Тишков // Дружба народов. – 2006. – № 8.
15. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. : в 14 т. Т. 14 (сводный). – М., 2005. – С. 10.
16. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Кн. 1. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М., 2004.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 69. Д. 195.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russia Federation]. F. 10128. Op. 1. D. 3049. L. 30.
2. Kryuchkov V. A. *Ya byl vsego lish' predsedatelem KGB SSSR* [I was just the chairman of the KGB of the USSR]. Available at: dic.academic.ru (accessed Mar. 12, 2018).
3. *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii, 2002: stat. sb.* [Demographic yearbook of Russia, 2002: collected articles]. Moscow, 2002, pp. 314, 315.
4. Mukomel' V., Pain E. *Novye diaspory. Gosudarstvennaya politika po otnosheniyu k sootchestvennikam i natsional'nyim men'shinstvam* [New Diaspora. State policy towards compatriots and national minorities]. Moscow, 2002, pp. 112, 113.
5. *Informatsionno-analiticheskiy tsentr MGU po izucheniyu obshchestvenno-politicheskikh protsessov na postsovetskom prostranstve* [Moscow State University information and analytical center for the study of socio-political processes in the Post-Soviet space]. Available at: www.ia-centr.ru (accessed Aug. 17, 2007).
6. *Rossiya v tsifrakh: krat. stat. sb.* [Russia in numbers: brief collected articles]. Moscow, 2003.
7. *Naselenie Rossii 2001* [Population of Russia, 2001]. Ed. by A. G. Vishnevskiy. Moscow, 2002.
8. *GARF*. F. 10026. Op. 5. D. 1169. L. 47, 48.
9. *GARF*. F. 10100. Op. 4. D. 228.
10. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian newspaper]. 1995, 25 Jan.
11. *Kubanskiy kur'er* [Kuban courier]. 1994, 14 Dec.
12. *Sostoyanie sotsial'no-trudovoy sfery sela i predlozheniya po ee regulirovaniyu. Ezhegodnyy doklad po rezul'tatam monitoringa (1999 g.)* [The state of the social and labor sphere of the village and proposals for its regulation. Annual monitoring report (1999)]. Moscow, 2000, p. 128.

13. GARF. F. 10128. Op. 1. D. 530. S. 8, 14, 21.
14. Tishkov V. A. *Druzhba narodov* [Friendship of Peoples]. 2006, no. 8.
15. *Osnovnye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g. Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g.: v 14 t. T. 14 (svodnyy)* [The main results of the All-Russian population census of 2002: in 14 volumes. Volume 14]. Moscow, 2005, p. 10.
16. *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g. Kn. 1. T. 4. Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo* [The results of the All-Russian population census of 2002. Book 1, Volume 4]. Moscow, 2004.
17. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* [Russian State Archive of Economics]. F. 1562. Op. 69. D. 195.

Вербицкая Ольга Михайловна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19)

E-mail: verb-olga@yandex.ru

Verbitskaya Ol'ga Mikhailovna

Doctor of historical sciences, principal researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19 Dmitry Ulyanova street, Moscow, Russia)

УДК 94(47)

Вербицкая, О. М.

Факторы изменения этнического состава населения России (1990-е гг.) / О. М. Вербицкая // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 2 (46). – С. 109–125. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-2-11.